

«Утверждаю»
Проректор по научной работе
государственного университета
профессор Скворцов Н.Г.

«24» *ноября* 2011г.

ОТЗЫВ

ведущей организации

на диссертацию Ольги Владимировны Дмитриевой на тему:

**«Парламент и политическая культура в Англии второй половины XVI –
начала XVII в.»**,

представленную на соискание ученой степени

доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история

(история средних веков)

Рецензируемая диссертация представляет собой результат многолетних изысканий одного из ведущих отечественных специалистов по истории Англии раннего Нового времени и являет собой заметное событие в жизни российского академического сообщества. Создававшаяся на протяжении последних полутора десятка лет, работа Ольги Владимировны Дмитриевой объединяет собой лучшие традиции обновленной отечественной медиевистики, сочетая неэмпирическое отношение к объему и качеству реконструируемого материала с высоким уровнем авторской рефлексии и ее последующей концептуализации. Кумулятивный эффект введенного в научный оборот комплекса архивных и опубликованных источников, используемых при этом исследовательских практик и

повествовательных стратегий не только наглядно демонстрирует свойственную для работы Ольги Владимировны многоплановую фундаментальность, но и раскрывает на ее примере перспективный характер когнитивных возможностей интегрированной в современное интеллектуальное пространство отечественной гуманитарной науки.

В центре исследовательских интересов О.В. Дмитриевой лежит явление большой исторической длительности – феномен сословного представительства, пространственно ограниченный его британской моделью в тот самый период ее развития, когда из недр некогда единой английской политики постепенно выделялись, обретая свою институциональную самостоятельность, ее социальная и политическая составляющие. Рецензируемая работа, таким образом, посвящена не только «рождению» политического, воссозданию на примере парламентской истории известной логики его «самоопределения» в контексте дискурсивных практик все еще сохранявшей свою интеллектуальную монополию верховной власти, но и характеризовавшим этот процесс социальным обновлением.

Развиваемая на 1380-ти страницах оригинальная концепция Ольги Владимировны Дмитриевой обладает целым рядом существенных особенностей, что позволяет позиционировать вклад диссертантки в историю изучения парламентского представительства в елизаветинской Англии как превосходящий возможные и ожидаемые результаты. Очевидно, что годы, потраченные на изучение и осмысление источников, трудов ее предшественников и современников, способствовали тому, что Ольга Владимировна смогла создать масштабный труд, в котором каждый из формирующих корпус ее диссертации сюжетов выходит за рамки отводимого для отдельной главы формата. К примеру, главы I, III, V могли бы составить основу для отдельных монографий, а главы I-IV и V-VIII – вполне достаточны для двух самостоятельных докторских диссертаций. Оставаясь органичными и законченными по своей структуре, такие сюжеты не менее цельно образуют содержательную и создают концептуальную

канву ее исследования. Масштаб и качество исследования от этого только выигрывают, а сама тема работы очерчивает куда более отдаленную перспективу, выходя за рамки сугубо парламентской тематики в сферу генезиса и взаимовлияния корпоративной и политической культуры и более широко – в сферу становления так называемого «нового» государства.

Актуальность диссертации Ольги Владимировны Дмитриевой определяется также использованием двух взаимосвязанных исследовательских стратегий. С одной стороны, ее работа показывает, что процесс парламентского «самоопределения» был связан с начальными стадиями формирования института «гражданской» службы и в этом смысле означал более или менее последовательную автономизацию функций сословно-представительного учреждения от персоны монарха. Такая автономизация способствовала институциональному оформлению парламентского представительства, росту его корпоративных начал и конечной деперсонализации наиболее значимых форм его коллективной репрезентации. Складывавшаяся на фоне подобных изменений корпоративная идентичность парламентской среды активно вбирала в себя содержательные и инструментальные ресурсы господствовавших концептов политической культуры раннего Нового времени, позиционируя себя в обновляющемся пространстве нормативных практик позднеюдоровского общества. Закрепление такой корпоративной идентичности способствовало, по мнению Ольги Владимировны, превращению английского парламента в «освященную давностью» традицию и в важнейший элемент «политического тела» королевства, наделенный определяющими его самобытный характер правами и привилегиями.

С другой стороны, работа О.В. Дмитриевой наглядно показывает, что в ходе такого «самоопределения» парламентская среда неминуемо сталкивалась с ограниченностью инструментальной базы доступных во второй половине XVI века практик, обусловленной их известной ориентацией на монархический, а позднее – и на имперский дискурсы, и в

этом смысле оказывалась плененной господствовавшими стереотипами. Парламентский дискурс конца XVI столетия оставался явлением, вербально и даже ментально схожим с монархическим дискурсом, указывал на своеобразную опосредованность языка и образного мира английских парламентариев интересами и логикой основного социального концепта английской монархии – идеи «общего блага». При этом политический лексикон позднетюдоровской эпохи, демонстрируя отсутствие субстантивированных понятий, обозначавших «государство», содержал более распространенные термины «commonwealth» и «res publica», свидетельствовавших об укоренении в сознании англичан, опиравшихся на античную традицию, представлений о публично-правовых аспектах верховной власти. Не менее существенным оказывалось наличие уже известных оснований для разграничения того, что подразумевалось под «службой государю» и под тем, что уже к концу XVI столетия обретало характер сугубо «гражданской» службы. В более широком контексте логика «самоопределения» представительных учреждений и более широко – властных институтов позднетюдоровского общества, оставаясь изначально противоречивой, порождая взаимоисключающие явления и феномены, составляла специфику английского варианта так называемого «нового» государства и служила основанием для доказательства исключительности его «островной» модели.

Органичная целостность авторского подхода к исследуемой проблематике во многом проявляется в структуре самой работы и, прежде всего, в выводах, которые Ольга Владимировна делает по ходу своей работы. Прежде, чем отметить наиболее существенные наблюдения, сделанные в отдельных главах исследования, отметим одну из удачных находок соискателя, а именно – характер построения самих сюжетов и логику расположения отдельных глав в самом корпусе диссертации. Ольга Владимировна выстраивает свое исследование, продвигаясь от общего к частному, прослеживая сначала динамику развития политической культуры позднетюдоровского общества.

Затем позиционирует ее наиболее подвижные компоненты — монархический/имперский и парламентский дискурсы, определяет их взаимовлияние. Далее следует основанный на парламентском дискурсе корпоративный компонент опять-таки парламентской культуры/идеологии, который мастерски профилируется на фоне растущих авторитарных амбиций верховной власти. И, наконец, и это видится вполне удачным приемом, выстраивается коллективный портрет носителей корпоративного парламентского суверенитета.

Официальные церемонии поздних Тюдоров как часть политической культуры английского общества второй половины XVI века оставались в значительной степени «апроприированными» верховной властью, но «в них прослеживалась тенденция к отходу последней от символической модели корпоративной монархии и тяготение к ее абсолютистской модели» (с. 283,285, 1381). При этом стремление монархии реализовать такую модель даже на символическом уровне в силу «корпоративистских» традиций, присущих политическому сознанию общества», оказывалось непростым (с.286, 287,1382).

Парламентский ритуал, оставаясь важнейшей частью парламентской культуры второй половины XVI века, «демонстрировал структурирующую и объединяющую функции». Он не только «выстраивал множественные иерархии между участниками», но и создавал «эмоциональный настрой, призванный обеспечить эффективную работу и укоренить в сознании депутатов ощущение» сопричастности «трансцендентному», «осмыслению их миссии в контексте продолжавшейся библейской истории» (с.284,510,1383)

Обыденное политическое сознание елизаветинских парламентариев зиждилось на принципах, согласно которым «оценивалось предназначение и характер самой верховной власти». Истинная вера и общественное благо, оставаясь «высшими и безусловными целями мудрого правителя и хорошо устроенного государства», определяли содержательную структуру и логику

парламентских речей. Через их призму оценивались и трактовались задачи парламентариев (с. 417,1383).

Подобно ритуальным практикам, «дискурс власти» демонстрировал «постепенный отход от «корпоративного» языка при характеристике английской политики»; использовалась «имперская лексика» и эпитеты, подчеркивавшие сакральную природу власти. При этом спикеры палаты общин «продолжали трактовать английскую конституционную модель в терминах «смешанной монархии», укрупняя тем самым восприятие парламентских функций и «его основной функции – давать совет государю и выработать новые законы» (с.669-670,1384).

«Взаимосвязь между риторической культурой общества, его способом мышления и видением политического режима проявлялась в использовании парламентариями языка классического республиканизма, призванного доказать власти» приоритет «в привлечении граждан/подданных к управлению государством и выработке законов». При этом правительственные круги приветствовали «гражданскую активность» лишь в плане «жертвовать на общее благо и вотировать растущие налоги». Разногласия в трактовке «гражданской позиции» сказывались на представлениях официальных кругов и парламентариев о «свободах подданных и «свободе слова» (с. 611,1385).

Уже в парламентских дискуссиях 1580-1590-х годов «формируется логическая связь между технической привилегией свободно высказываться в парламенте и свободой подданных». Рассуждения депутатов указывали на то, что «корпоративный миф о «старинной свободе» высказываться, присущий палате общин, мог перерасти в политический миф о свободах английской нации» (с.639, 1387)

Под воздействием этих обстоятельств «политическое воображаемое англичан» пополняется «еще одним важным мифом: усилиями юристов-антиквариев в стенах парламента сложилась своеобразная концепция исторического прошлого этого института», существовавшего якобы с

незапамятных времен. «В то же время концепция «незапамятной» древности парламента...не содержала в себе вызова монархической власти даже тогда, когда некоторые из ее приверженцев полагали, что этот институт исторически предшествовал монархической власти» (с.639-641, 1387, 1388).

Елизаветинская эпоха становится ключевой «с точки зрения окончательного становления процедуры парламентского законотворчества, ее формирования и унификации». При этом «тщательно разрабатываемый ритуал законотворчества обеспечивал открытость обсуждения». Появление процедурных трактатов превращало знания о парламентском ритуале в доступные не только клеркам палаты, но и большинству депутатов (с.1388, 1390)

Процесс унификации парламентского законотворчества вызвал к жизни еще одну важную политическую составляющую парламентской культуры – «политические технологии», связанные с лоббированием биллей. Возникающие на этой почве политические конфликты играли роль «мощного фактора в институциональном развитии парламента», становились «поводом для процессуальных новаций». При этом парламентарии придерживались принципа мирного диалога с верховной властью (с.1390, 1391, 1394)

Важную роль в институциональном развитии парламента и оформлении его «корпоративной идеологии» сыграло судопроизводство палаты общин. На этом фоне произошло окончательное утверждение принципа «депутатской неприкосновенности» и были выработаны «механизмы его практической реализации» (с. 993-1011,1391)

Процесс формирования парламентской идентичности характеризовался также определенными «экспансионистскими» тенденциями, которые обуславливались последовательными попытками не только контролировать процедуру выборов, но и превратить сам механизм избрания депутатов в подобие «социальной селекции» (с.1395).

Перечисленные выше позиции с легкостью убеждают в том, что диссертация Ольги Владимировны Дмитриевой отличается стройностью

мысли и концептуальной законченностью финальных выводов и суждений. Оригинальность предложенной соискателем картины парламентской истории второй половины XVI века не вызывает сомнений. Все главы диссертации подчинены единой цели и в этом смысле их содержание и структура не вызывают возражений. Но, так или иначе, все тот же ритуал требует хотя бы известных рассуждений и замечаний, способных улучшить или же конкретизировать представленное соискателем видение магистральных сюжетов диссертации. Попробуем отметить следующее:

Безупречно выполненный анализ политической и корпоративной (парламентской) культур, как представляется, мог только выиграть от того, если бы соискательница оговорила на нескольких страницах проблему соотношения обоих дискурсов с не менее важным дискурсом провинциальных политических культур. Позднетюдоровская Англия при всех успехах центральной администрации оставалась регионально разобщенным государством, в котором статус локальных сообществ играл по-прежнему значительную роль. Отмечаемая Ольгой Владимировной практика «селекционирования» кандидатов в нижнюю палату парламента могла во многом определяться, в том числе и интересами локальных сообществ, лидерами которых оказывались главы парламентских клиентел. Значительная часть таких сообществ придерживалась известного нейтралитета в отношении происходивших в Вестминстере перемен и в этом смысле могла позиционировать себя в интересах местной округи, а не королевства в целом.

Реконструируя основные элементы парламентской культуры, Ольга Владимировна совершенно справедливо отмечает характерные для восприятия коммонеров метафоры телесности и трансцендентности, обозначающие институциональное единство самого парламента. При этом, как представляется, она недооценивает влияние на парламентскую идеологию корпоративной теории. Связь с этой теорией была наиболее принципиальной, поскольку скрытые в ней возможности облегчали

восприятие постоянно меняющих свою направленность процессов самоорганизации средневекового общества и государства. Известно, что первоначально любая корпорация (*universitas*) отождествлялась с формирующими подобную общность людьми. Затем по мере усложнения исходных представлений, складывались предпосылки для постепенного разграничения входящих в подобные объединения физических лиц и собственно самой формы корпоративной организации. Последняя, очевидно, приобретая черты универсальной формы самоорганизации общества, осмыслялась как обобщающая этот опыт самодостаточная абстракция. Постигаемая исключительно посредством человеческого разума, она выводилась за рамки бренного существования в сферу категорий естественного права и наделялась правосубъектностью. Как юридическое лицо корпорация затем повторно материализовалась в коллективном лице составляющих ее членов, но при этом ее «корпоративное тело» оставалось независимым от них, т.е. самодостаточным учреждением (очевидно, отсюда идет ощущение «парламентской трансцендентности»). Фактическая самостоятельность и правовая самодостаточность подобных корпораций могла подразумевать и физически отсутствовавшего среди ее членов государя (пример итальянских городов-республик). В этом смысле такая корпорация, компенсируя недостающее звено в иерархическом единстве, либо, как у Уильяма Принна, «замещала» государя (*vice princeps*), либо, в варианте Уильяма Паркера или Джона Мильтона, возлагая на себя полномочия, становилась таковым (*sibi princeps*). Формирующаяся на этом фоне иерархия авторитетов могла формально сохранять приоритет монаршего верховенства (т.е. первого элемента в парламентской триаде), но при этом, скорее, тяготела к тому, чтобы стать иерархией самодостаточных объединений.

Высказанные соображения носят исключительно рекомендательный характер и не снижают общей положительной оценки диссертации О.В. Дмитриевой. Перед нами законченное фундаментальное исследование

актуальной научной проблемы, выполненное на высоком научно-теоретическом уровне и с привлечением разнообразного по своему составу комплекса опубликованных и архивных документов.

Монографии и статьи, опубликованные автором, полностью отражают магистральные сюжеты проделанного ею исследования.

Автореферат полностью соответствует основным положениям и выводам диссертации.

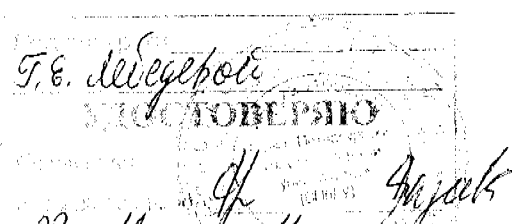
Представленная к защите работа полностью отвечает требованиям п.7 Положения о порядке присуждения ученых степеней Правительства РФ, а его автор Ольга Владимировна Дмитриева заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история (история средних веков).

Отзыв составлен доктором исторических наук профессором кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета Федоровым Сергеем Егоровичем. Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры истории средних веков СПбГУ 23 ноября 2011 года (протокол № 3)

Зав. кафедрой истории средних
веков СПбГУ
доктор исторических наук
профессор Г.Е. Лебедева

23 ноября 2011.

Г.Е. Лебедева
ДОСТОВЕРНО
2011.11.23